

Э. В. Саблина

В феврале 2005 г. в университете Васэда на заседании научного общества «Деятельность русских в Японии», занимающегося изучением восточной ветви русского зарубежья, прозвучали пять японских пятистиший, переложенных на музыку Ипполитова-Иванова. Под аккомпанемент фортепиано их исполнила на русском языке очаровательная Сато Сидзуэ, которая была секретарем и помощницей выдающегося японского композитора-классика Дан Икума (1924–2001) в последние годы его жизни. Это было первое в Японии исполнение всех пяти вокальных произведений русского композитора.

А предыстория этого события такова. Сато-сан брала уроки пения у давнего друга Дан-сэнсэя профессора Исикума Тэруаки в музыкально-драматической академии Тохо, давшей миру знаменитого дирижера Одзава Сэйдзи. Однажды, готовя репертуар вокального камерного концерта, профессор и его ученица решили включить в него и несколько русских произведений в память так и оставшегося неосуществленным желания маэстро Дан Икума познакомить японскую публику с малоизвестной или никогда не исполнявшейся в Японии музыкой русских композиторов. В библиотеке академии среди русских произведений они обнаружили ноты до того им совершенно незнакомого (профессор Исикума Тэруаки – специалист по австро-немецкой музыкальной культуре) Ипполитова-Иванова. С помощью коллег, владеющих русским языком, они узнали из заголовка на титульном листе, что это «Пять японских стихотворений», а также им удалось прочитать текст под нотами, в котором повторялись слова «бухта Акаси». Сато-сан, обратившись к японской музыкальной энциклопедии, смогла уточнить, что у Ипполитова-Иванова, действительно, есть пять вокальных произведений, написанных на слова песен из «Кокинсю», переведенных А. Глускиной¹. После поисков в Интернете Сато-сан стало ясно, что у нее в руках оказались ноты только одной песни, и к тому же единственной в Японии. Мне удалось найти для госпожи Сато Сидзуэ, с которой меня связывала многолетняя дружба, остальные четыре песни в Москве, в библиотеке Союза композиторов.

Позволю себе небольшое отступление, чтобы напомнить уважаемым читателям о Михаиле Михайловиче Ипполитове-Иванове, русском композиторе, дирижере, педагоге и музыковеде, друге Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова – композиторов, которые высоко ценили его творчество. (Со-

хранилась переписка с ними и другими музыкантами, насчитывающая около 200 писем.) Он родился 7 ноября 1859 г. в Гатчине, небольшом городке вблизи Петербурга (скончался в Москве зимой 1935 г. и покойся на Ново-девичьем кладбище). Его систематические занятия музыкой начались в музыкальных классах при капелле Исаакиевского собора. Высшее музыкальное образование Ипполитов-Иванов завершил в Петербургской консерватории в 1882 г. по классу теории композиции Н. А. Римского-Корсакова. От своего великого учителя он унаследовал ясность, определенность музыкального мышления, склонность к опере и оркестровой музыке, интерес к народному творчеству. Сразу после окончания Петербургской консерватории, Ипполитов-Иванов возглавил музыкальное училище в Тифлисе и увлеченно работал в области музыкального просвещения Грузии. В 1893 г. Михаил Михайлович переезжает в Москву и становится профессором Московской консерватории. Там же начинает свою педагогическую деятельность и его жена, Варвара Зарудная, которую П. И. Чайковский высоко ценил как оперную певицу. В 1905 г. Ипполитов-Иванов был избран директором Московской консерватории и возглавлял ее в течение почти 20 лет, до 1922 г. Окончив ректорство в Московской консерватории, Михаил Михайлович уехал в Тбилиси. За годы, проведенные там, он сочинил «Японские стихотворения», «Кавказские эскизы», «Четыре романса» на слова Владимира Соловьева и Тургенева. Из Грузии композитор вернулся в Москву в 1925 г.

В своей книге «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях», вышедшей в Москве в 1934 г., Ипполитов-Иванов пишет: «За это время я успел написать серию романсов на слова старинных поэтов в переводе Глускиной, посвященных талантливой артистке Елене Васильевне Баронкиной, и четыре романса на стихотворения В. С. Соловьева, сохранившиеся у меня еще от времени пребывания у Толстых (имеется в виду поэт Алексей Константинович Толстой, в имении которого часто гостил композитор в летнее время в 70-х годах XIX в. – Э. С.) в Красном Роге Черниговской губернии и дорогих мне по воспоминаниям. Романсы эти написаны для голоса в сопровождении фортепиано, скрипки и виолончели, как опыт вокально-инструментального ансамбля, и могут пополнить до некоторой степени бедный в этой области репертуар камерных концертов» (с.151). Пять японских стихотворений для голоса с фортепиано на тексты японских поэтов в переводе А. Глускиной были изданы в 1923 г. в Москве в издательстве «Музсектор»: «Аллеи все осыпаны листвою»; «Ах, в этом мире страдать я устал»; «О, запах померанцев»; «В тумане утреннем»; «Все склоны там, у горочки» (Автограф в Государственной публичной библиотеке Санкт-Петербурга, ф. 320, № 280). Повторные издания вышли в Москве в 1934 и 1936 гг. в том же издательстве. В 1935 г. это же издательство выпустило «Четыре романса» для голоса, скрипки и виолончели, на слова В. Соловьева и И. Тургенева: «Мне не забыть твоей улыбки»; «Бретонская колыбельная

¹ См.: Японская литература в образцах и очерках. Ленинград, 1927.

песня»; «Как ночь тиха»; «В алом блеске зари» (Автограф в Государственной публичной библиотеке Санкт-Петербурга, ф. 320, № 296).

Стоит упомянуть и о Красном Роге, имении Толстых, находившемся в центре Брянских лесов, между Брянском и Почепом. В той же книге Ипполитов-Иванов писал: «Окрестности Красного Рога очаровательны. Вековой лес, чудная река Рог и разнообразная холмистая местность представляли большой соблазн для прогулок. Главным организатором таковых был А. А. Фет; в особенности он любил прогулки на лодке, в которой набиралось народу невероятное количество, и А. А. с комической серьезностью просил В. С. Соловьева не кашлять и в особенности не чихать, что он делал особенно громко, и тем самым не потопить всех. От этих замечаний В. Соловьев начинал так хохотать, что лодка, довольно ветхая, действительно, грозила погрузиться на дно. Вообще, В. Соловьев, несмотря на свой мрачный вид, был неудержимым весельчаком и часто говорил, что он будет или монахом, или гусаром, так как среднего уравновешенного человека он не признает. Его настроение менялось ежеминутно: то он мрачен, как туча, по случаю мигрени у С. П. Хитрово, в которую в то лето был влюблен, то танцевал какой-нибудь совершенно дикий танец по случаю ее выздоровления. У меня сохранилось несколько его стихотворений того времени, посвященных С. П. Хитрово. Детям С. П. Хитрово я давал уроки музыки» (с.24).

Софья Петровна Хитрово, племянница Софьи Андреевны Толстой, жены поэта, была замужем за Михаилом Александровичем Хитрово, дипломатом и поэтом, служившим посланником в Японии в 1894–1896 гг.

Владимир Соловьев, действительно, одно время серьезно задумывался стать монахом, подтверждение чему находим в дневнике (запись 3 апреля 1880 г.) основателя Японской православной церкви Архиепископа Николая (Касаткина). Приехавший в Москву собирать пожертвования на строительство Воскресенского собора в Токио, он писал о своем знакомстве с ним: «Вернувшись, застал у Преосвященного Алексея (епископа Можайского. – Э. С.) философа Владимира Сергеевича Соловьева и профессора Павлова. Первый спустился со мною ко мне, чтобы интимно поговорить, и удивил меня, сказав, что хочет постричься в монахи, и на первые годы просится пожить в Миссии – будет полезен в это время преподаванием в Семинарии. Я прямо стал отсоветывать ему монашество – на том основании, что и для Церкви полезней, если он, стоя вне духовенства, будет писать в пользу Церкви. Побуждением к монашеству он выставляет “слабость характера своего” – тем более ему нельзя быть монахом. Вообще, эта личность – весьма яркая и поражающая; смотрит истинным философом, довольно мрачным; ему всего двадцать семь лет»².

Япония, семейство Хитрово – посланника в Японии; Владимир Соловьев, желавший преподавать в Японии, А. Е. Глускина, в 1928 г. стажировавшаяся

в Японии, – люди, так или иначе соприкасавшиеся с Ипполитовым-Ивановым. Не случайно ли все это привело к тому, что композитор выбрал японские стихотворения для своей музыки?

Привлекшие внимание композитора японские стихотворения в переводе Глускиной нуждались в некоторой переработке, чтобы их можно было переложить на музыку. Ниже, слева приводятся слова романсов, а справа – тексты перевода. Как видно, они несколько отличаются: чтобы слова стихотворений соответствовали музыке, надо было без ущерба для их смысла строки сделать длиннее, изменить их ритм и место ударных слогов, т. е. отразить слово в звуке. Это согласуется с традициями работы с поэтическими текстами, заложенными великими русскими композиторами-реалистами XIX в. – А. С. Даргомыжским и М. П. Мусоргским.

Слова романса

1. Аллеи все осыпаны листвою,
И в алый цвет окрашен листьев ряд...
То осень к нам стучится...
То осень к нам пришла,
Своею непогодой разгонит всех друзей,
На светлый огонек никто к нам не придет,
Кто дорог нам и мил.

Переводы А. Е. Глускиной из «Кокинсю»

Аллеи все усыпаны листвою,
Окрашенной в ярко-алый цвет:
То осень...
Не сомнут опавшую листву –
Никто теперь не навещает сад!

2. Ах, в этом мире страдать я устал,
Ах, в этом мире печали и слёз...
Я уйду в глубину дальних гор.
Пусть жизнь моя там исчезнет, как сон,
Как тает белый снег в солнца лучах,
На вершинах гор,
На листьях горного клена

В неверном мире я страдать устал.
В непрочном мире лишь печаль да стоны.
Уйду в теснины гор...
Пусть жизнь растает там,
Как тает снег на листьях горных кленов.

² Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеобразным записям. Санкт-Петербург, ч.1–2. 1996, с. 244.

3. О, запах померанцев, так ждущих жадно мая,
Опять вдыхаю я всю прелесть их цветов...
И вот любовь мелькнула предо мной бывая,
И вновь явился ты в мечтах весны желанной,
Но ты не тот теперь, не тот, чем был когда-то...
Тебя не узнаю – ведь сердца твоего
Никто не знает, и не поймут его...
Но почему цветы по-прежнему благоухают,
И так они тебя всегда, всегда напоминают!
По-прежнему тебя напоминают!
 - О, запах померанцев, ждущих мая!
Опять вдыхал я свежесть их цветов...
И вот,
Любовь мелькнула предо мной бывая,
И вновь почудился мне запах рукавов!
Ты стал другим, иль все такой же ты?
Ах, сердца твоего никто не знает!
Прошло немало дней,
Но вот зато цветы...
Совсем по-прежнему они благоухают
4. В тумане утреннем вся бухта Акаси,
Которой свет зари едва коснулся,
Не видно островов вдали...
И думы все мои,
И думы все мои о корабле,
О корабле, который счастье все унес,
Разбил мне сердце и не вернулся, не вернулся.
 - В тумане утреннем вся бухта Акаси,
Которой свет зари едва-едва коснулся.
Не видно островов...
И думы все мои
О корабле, что не вернулся.
5. Все склоны там, у горочки, покрыты цветом вишни,
Блестят, горят на солнышке, как мотыльчкa крылья,
Как мотыльчкa крылья...
И вот мне кажется, что белые цветы – не вишни лепестки,
А просто снег! Да, снег...
Да просто снег...
Да просто снег...
Да просто снег!
Все склоны дальней Ёсино-горы
Сверкают белизной раскрывшихся цветов.
И вот мне кажется,
Что белые цветы
Не вишни лепестки, а просто снег...

Как бы в продолжение диалога японской и русской культур можно вспомнить, что у Ипполитова-Иванова в 1931 г. произошла встреча с основоположником японской композиторской школы Ямада Косаку, приехавшим в СССР с концертами. В одном из интервью Ямада Косаку (или, как его прозвали журналисты, японский Глинка) признался, что для него было счастьем познакомиться с «дедушкой» – Ипполитовым-Ивановым, причем слово «дедушкa» японский композитор произнес по-русски³.

Незабвенный Нодзаки Ёсио – знаменитый русист и знаток русского искусства, профессор университета Васэда, незадолго до своей кончины рассказывал мне о выступлениях известного японского композитора и дирижера, отметив, что они стали событием в советской культурной жизни летом 1931 г. Напомню, что Нодзаки-сэнсэй (1906–1995) в мае 1928 г. впервые приехал в Россию и прожил четыре с половиной года, до ноября 1932 г., в Москве и Ленинграде, изучая русский язык и сценическое искусство. Его жизнь сама по себе достойна пера настоящего писателя, и если бы написать книгу о нем и проиллюстрировать ее, то рядом с ним мы бы увидели А. Ваганову, Г. Уланову, В. Мейерхольда, Н. Конрада, А. Глускину, Д. Шостаковича и много других известных деятелей культуры. Нодзаки Ёсио во время выступлений Ямада Косаку в СССР был его переводчиком и менеджером по рекомендации певца Маки Хадзимэ, с которым он подружился еще во время своих занятий русским языком в Харбине. Маки тогда брал уроки вокала по совету своего японского преподавателя, считавшего, что в России хорошо ставят низкие голоса. Из Харбина молодой певец переехал в Париж и там тоже занимался с русским преподавателем. Маэстро Ямада, который приехал в СССР из Парижа, сама судьба послала знающего русский язык обладателя красивого баритона Маки Хадзимэ. Дело в том, что композитор привез в Ленинград специально написанный им вокальный цикл – «Песни русских кукол» – на слова своего творческого друга и ровесника, одного из крупнейших японских поэтов первых десятилетий XX в. Китахара Хакусю (1885–1942).

Любопытна история создания этого вокального цикла. У Китахара Хакусю был приятель, чей родственник, художник, еще до революции поехал в Россию изучать искусство русских крестьян. Среди подарков, привезенных им из России в Японию, было много красочных кукол. Он рассказывал их истории, смешивая японские и русские слова. Это так понравилось поэту, что он тут же написал стихи, вставив в них услышанные им русские слова, а позже Ямада Косаку переложил их на музыку. Маки Хадзимэ стал первым исполнителем этих вокальных произведений.

Представляют интерес воспоминания самого Ямада Косаку о встречах в Ленинграде с замечательными музыкантами. Он даже нарисовал план размещения участников одного из ужинов. Среди них – молодой, но уже ставший

³ Без И. Ниппонский Глинка: в гостях у композитора Ямада Косаку. – Русское слово. Токио, 23.06.1939. – Архив Института Ямада Косаку.

известным Д. Шостакович, А. Гаук – дирижер Ленинградской филармонии, И. Соллертинский – музыковед, театровед, лингвист, близкий друг Нодзаки Ёсио, о котором сэнсэй со светлой завистью говорил, что он был настоящий гений, так как знал двадцать языков. Ямада Косаку вспоминал: «В течение моего десятидневного пребывания в Ленинграде, каждый день, меня повсюду сопровождал Гаук, в то время главный дирижер Ленинградской филармонии. Прекрасный вид широко несущей свои воды Невы; глубоко тронувший мое сердце закат солнца, последними своими лучами осветившего Петропавловскую крепость, где, говорят, томилось много политических заключенных, – ничто так не было приятным мне, как установившиеся узы тесной дружбы с первоклассными ленинградскими музыкантами и, в первую очередь, с Шостаковичем и Гауком. В моих ушах все еще звучит необыкновенное красноречие сыпавшего слова, словно из скорострельной пушки, молодого музыкального критика Соллертинского, без устали расхваливавшего Шостаковича, которому тогда исполнилось только 25 лет»⁴. О своих музыкальных впечатлениях в России японский композитор писал: «Прошло пятнадцать лет после революции, жизнь кардинально изменилась, требуются новые формы в искусстве. В консерваториях, которые я посещал в разных городах, созданы рабфаки, где учатся музыкально одаренные рабочие. Но, исходя из опыта двух поездок в СССР, можно без колебаний сказать, что столь желаемая пролетариатом пролетарская музыка пока искусством не стала. Однако у композитора Шостаковича, которому в этом году исполняется 25 лет и которого в нынешнем СССР считают гением, черты такой пролетарской музыки проявляются в балете «Болт» и в других его произведениях. В них ощущаются новые тенденции, которые можно рассматривать как проявление оптимистической души, ярко утверждающей жизнь, в отличие от пессимизма, отрицающего современный мир, что было свойственно искусству прошлого»⁵. «Сейчас в России самый большой композитор, стоящий на первом месте, – это, конечно, Глазунов. Из молодых сильных композиторов все назовут имя Стравинского, следом идет Прокофьев, но обоим нет в стране, поэтому о них нельзя сказать, что это люди, действительно, создающие пролетарскую музыку. Третьим, на кого все указывают пальцем, идет молодой композитор, 24-летний Шостакович. На вид он 17–18-тилетний красивый юноша, действительно, красивый симпатичный мальчик. Настоящий ребенок, о котором думаешь, как такой малец пишет такое. ... Он вначале занимался на фортепиано, но уже в 14 лет, сочинив музыку, поразил окружающих. Я привез с собой Первую симфонию этого человека и надеюсь исполнить ее когда-нибудь при удобном случае. Это чисто классическое по форме, совершенно не касающееся новых веяний, произведение»⁶.

⁴ Ямада Косаку тэсаку дзэнсю (Полное собрание литературных сочинений Ямада Косаку). Токио, т. 1–3, 2001, т. 2, с. 633.

⁵ Там же, т. 3, с. 414.

⁶ Там же, т. 2, с. 522–524.

Напомним, что ко времени знакомства с японскими музыкантами Д. Шостакович в 1925 г. окончил Ленинградскую консерваторию и в том же году написал свою Первую симфонию, в 1927 г. получил почетный Диплом исполнителя на Первом международном конкурсе пианистов имени Фредерика Шопена в Варшаве, в 1928 г. сочинил оперу «Нос», а в 1930 г. – балет «Золотой век».

Нам особенно дороги эти, хотя и немногочисленные, впечатления Ямада Косаку, как дань памяти о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче, 100-летие которого отмечается в этом году.

Как рассказывал подружившийся с Шостаковичем Нодзаки Ёсио, под влиянием встреч с японцами композитор написал шесть романсов на слова японских поэтов и посвятил их своей молодой жене Нине Васильевне Варзар.

Этот вокальный цикл (соч. 21) для тенора с оркестром прозвучал в 1932 г., и, кажется, это было чуть ли не единственное его исполнение. Ноты, ставшие уже редкостью, хранятся в личном архиве Д. Д. Шостаковича. Однако М. А. Якубов, известный российский музыковед, председатель правления Общества Дмитрия Шостаковича, любезно предоставил госпоже Сато Сидзуэ их копию. Ниже приведены романсы по текстам в нотах.

1. Любовь

Дай только солнцу за гору зайти, к тебе я скоро выйду!

Темной ночью ты подойдешь ко мне, подобна утренней заре,

Красива, как цветок, едва расцветший,

И руку нежную, горячую от страсти и любви к тебе,

Я руку положу на грудь твою.

Друг к другу мы прижмемся;

Лежа целоваться будем,

Руки подложив под головы взамен подушек;

Бедра сблизим.

О, как люблю я,

Как люблю тебя я страстно, нежно, моя радость.

Как только солнце за гору пойдет, к тебе я выйду.

(Неизвестный автор. Перевод А. Брандта)

2. Перед самоубийством

Уныло сыплются листья. Густой туман пруд застилает.

Гуси дикие кричат испуганно на озере святом Иварэ.

Сны мрачные витают над моей главой, на сердце тяжесть.

Через год, когда раздастся снова крик гусей, я не услышу их.

(Оцуно Одзи, VII в. Перевод А. Брандта)

3. Нескромный взгляд

У ивы зеленой и тонкой обнажился колеблемый ствол,

Когда веющий ветер в сторону ветви отвел.

А сегодня, о радость моя, я ноги твои увидал,
Когда твоим кимоно веющий ветер играл.
(Слова неизвестного автора, XVIII в. Перевод А. Брандта)

4. **В первый и в последний раз**

Я сорвал твой цветок, ты моя.
Я прижал тебя к сердцу, к сердцу и слился с тобой.
Когда ночь отлетела, я увидел, что тебя со мной больше нет.
Осталась лишь боль, лишь боль.
Много еще будет у тебя цветов, благоуханных и дивных,
Но мое время рвать цветы прошло,
И в темной ночи нет у меня милой.
Осталась лишь боль, лишь боль...

5. **Безнадежная любовь**

Зачем я люблю тебя,
Ведь никогда, никогда ты не будешь моей?
Не я буду ласкать тебя,
Не я, истомленный твоими ласками,
Усну рядом с тобой.
Зачем же я люблю тебя?

6. **Смерть**

Я умираю...
Я умираю, не зная любви.
Меня она не любила,
Она не ждала меня с нетерпением,
Когда я уходил.
Я умираю, потому что нельзя жить без любви.
Я умираю...

Как удалось выяснить, переводы А. Брандта взяты из его сборника «Японская лирика», изданного в Петербурге в 1912 г. Переводчик предварил его эпиграфом из Мотоори Норинага: «Ни с чем, ни лучше, ни верней я не сравню души Японии моей, как с нежным запахом вишневого цветка при первом поцелуе утренних лучей». А. Брандт написал, что стихотворения, «помещенные в настоящей книжке, переведены с немецкого и французского языков и взяты преимущественно из сборника Бетге⁷ и из истории японской литературы Флоренца»⁸ и что он не стремился сохранить форму стихотворений, а старался сохранить их дух. Брандт переводит ритмической прозой, и некоторые из его переводов, как считает известный японовед профессор Л. Ермакова, достаточно легко атрибутировать. Например, стихотворение

⁷ Bethge. Japanischer Frühling. Leipzig, 1911.

⁸ Florenz K. Geschichte der japanischen Literatur. 2-te Ausgabe, Leipzig, 1909.

«неизвестного автора древняго времени» (так у Брандта), на слова которого был написан романс «Любовь», явно представляет собой песню, которую богиня Сусэри-бимэ-но микото в летописи «Записи старых деяний» («Код-зики»), поет божеству Ятихоко-но ками. Перевод Брандта гласит: «Дай только солнцу за гору зайти! К тебе я выйду скоро! Темной ночью ты пойдешь ко мне, подобный утренней заре, с улыбкой на сияющем лице, и руки белые, как белые канаты из коры Таку, положишь ты на грудь мою. Не говори мне о тоске любовной, бог великий восьми тысяч копий! Как только солнце за гору зайдет, к тебе я выйду!» (с.11) Как видно из оригинала, это песня женщины, но несколько измененный перевод для романса был переделан в песню от имени мужчины. Слова для романса «Перед самоубийством» взяты без изменений из сборника (с.18). Под стихотворением комментарий Брандта: «Охотсуно Оци (663–687). Был претендентом на престол, взят в плен и казнен 24-х лет от роду. Перед казнью написал это стихотворение». Благодаря любезной помощи профессора Л. Ермаковой, подлинник удалось найти в «Манъёсю» в переводе А. Е. Глускиной (из первого тома ее трехтомного труда):

«Песня принца Оцу, которую он сложил, проливая слезы на насыпи у пруда Иварэ, когда он был приговорен к смерти»

Обвиты лианами каменные скалы...
В Иварэ, в пруду,
Ужель в последний раз
Я сегодня утку плачущую вижу
И навек исчезну в облаках?

В романсе «Нескромный взгляд» строка «А сегодня, о радость моя, я ноги твои увидал, когда твоим кимоно веющий ветер играл» немного изменена Брандтом: «А сегодня, *о ива моя*, я ноги твои увидал, когда твоим кимоно веющий ветер играл» (с. 94).

Обращает на себя внимание то, что в романсах под номерами 4, 5, 6 ничего не сказано об авторах и не указано имя переводчика. Предпринятые многочисленные попытки атрибутировать их не увенчались успехом, так как стихотворные переложения сделаны не прямо с подлинника, а прошли через несколько переводов с европейских языков. Но, на наш взгляд, это вовсе не умаляет особой прелести романсов, некоторая необычность которых позволяет представить настроение молодого Шостаковича.

Что же касается музыкального диалога России и Японии, имеющего долгую и добрую историю, то он успешно развивается, и хочется надеяться, что со временем станет еще более плодотворным.